

Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни

Карл Кереньи¹

Время для изложения религиозной истории Европы и других регионов с европейскими традициями еще не пришло. Об отдельных религиях европейского культурного круга как древних, так и новейших, о путях их развития и взаимодействия мы имеем только приблизительное представление. Обогащение этого представления новыми данными важно не только для ученых, но и для всех желающих глубже постичь то, что составляет содержательный фонд культуры. Ведь европейская религиозная история осталась бы *нашей* религиозной историей, даже будучи далекой от нас. Принадлежит к истории нашей культуры, история религии не зависит от того, как используют ее в своих целях представители разных исповеданий или философских систем. Религиозную историю, как и историю вообще, невозможно переписать; ее нельзя и отвергнуть – этим она отличается от религиозных убеждений. Даже отказ от религии есть акт, совершающийся в рамках религиозной истории, и как таковой он обогащает культуру новым опытом. Изложение нашей религиозной истории без рассмотрения нищезанятия или атеизма не соответствует требованиям современной науки о религии, как и истории культуры вообще.

Ницше, при всем своем радикальном атеизме, противопоставлял Христу греческого бога. Выдвигая альтернативу «Дионис – Христос», Ницше назвал имя божества, которое – верно или ошибочно – он объединял со своим атеизмом. Как это оказалось возможным? Ведь речь не идет о лишенном всяких оснований вымысле! Раз «вымысел» появился на свет, его следует причислить к опыту, составляющему содержание нашей культуры. В любом случае это – человеческий опыт, говорим ли мы о Ницше или об адептах первоначальной, дофилософской, дионисийской религии. Что мы можем извлечь из опыта при помощи науки о религии и культуре? Что стояло за именем Дионис, когда им еще называлось божество подлинной исторической религии? В «Опыте самокритики», предпосланном «Рождению трагедии» в издании 1886 г., Ницше писал: «Ведь и по сей день в этой области для филолога почти все предстоит еще открыть и вырыть» Прежде всего ту проблеме, *что* здесь налицо проблема, - и что греки, пока у нас никакого ответа на вопрос «что такое дионисическое начало?», остаются для нас, как и прежде, совершенно непонятными и недоступными представлению...»². Это утверждение до сих пор сохраняет свою силу и будет справедливо даже в том случае, если наука переосмыслит его следующим образом: греки и их минойские предшественники должны помочь нам разобраться в том элементе их культуры, который, будучи понятным, прояснит суть также и самой этой культуры. То, что Ницше говорил о греках, представляется особенно оправданным в отношении культуры минойского Крита: она останется совершенно не понятой, пока не постигнут ее дионисийский характер.

Ни одно другое греческое божество не присутствует в такой мере в исторических памятниках и природе Греции и Италии, то есть в сохранившейся от античности чувственной традиции, как Дионис³. Здесь можно говорить о почти повсеместном распространении дионисийского элемента. Из двух характерных и единственных в своем роде творений греческой архитектуры – храма и театра, которые оставили нам многочисленные руины и следы, - последний целиком принадлежал Дионису⁴. Из культурных растений средиземноморского ареала наиболее буйным ростом отличается виноградная лоза – священное растение Диониса, свидетельствовавшее о его присутствии. Это впечатление возникло у меня еще в 1931 г., когда только появилась идея данной книги. Именно тогда я понял, что при рассмотрении дионисийской религии на первое место прежде опьянения следует поста-

¹ Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни/вступ. ст. Л.Ю.Герасимовой, отв. ред. С.И.Межеричкая, Л.Ю.Герасимова; пер. с нем. А.В.Фролова (часть I), Л.Ф.Поповой (часть II). М., 2007.

² Ницше Ф. Опыт самокритики//Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т.1. С.51.

³ О «чувственной традиции» см.: Kerényi K. Unsinnliche und sinnliche Tradition//K.Kerényi. Apollon: Studien über antike Religion und Humanität. 3. Aufl. Düsseldorf, 1953. S. 72 – 89.

⁴ См.: Kähler H. Der griechische Tempel: Wesen und Gestalt. Berlin, 1964. S.51.

вить тот спокойный и могучий элемент вегетативной, растительной жизни, который в конце концов «поглотил» даже античные театры – подобно театру в Кумах. Этот образ так запечатлелся в моей памяти, что вместе с атмосферой виноградной лозы, не менее трудноуловимой, чем аромат виноградного цветка, стал лейтмотивом моей работы.

Мой план, о зрелости которого не приходилось еще говорить, опередил Вальтер Отто, опубликовав в 1933 г. книгу о Дионисе под названием «Дионис: миф и культ»⁵ (1933). В этой монографии на высоком научном уровне обсуждался и оценивался материал, почерпнутый преимущественно из сохранившихся литературных памятников. Он отнюдь не изображает Диониса божеством, ниспосылающим преходящее упоение. Вслед за Ницше эту точку зрения разделял его друг Эрвин Роде, а также большинство филологов и историков религии. Отто же видел в Дионисе «творческое безумие», иррациональную основу мира. Ницше оказал на Отто двойственное влияние – не только своей «дионисийской философией», но и своей трагической судьбой, которая была весьма поучительной и наглядно показывала, что безумие всегда требует точной диагностики. Отто так и не удалось выработать в отношении феномена Ницше определенную позицию, которая позволила бы распознать в данном случае свидетельства неосознанной патологии (например, это касается редкостной одержимости Ницше образом Ариадны)⁶. Кроме того, Отто не смог преодолеть ограниченность своего отношения к самому античному феномену: эротизм, основная черта дионисийского начала, так и остался для него сокрытым.

Книга Отто послужила толчком к опубликованию в 1935 г. моих «Размышлений о Дионисе»⁷ - работы. В основу которой легли мысли, возникшие у меня сначала во время прогулки по винограднику в южной Паннонии и появившиеся потом – уже в постоянной полемике с Отто⁸ – на Корчуле, одном из Далматинских островов. Мои впечатления от поездок по южным странам виноградного ареала, включая Крит, стали противовесом его книге, которую я всегда брал с собой. Позднее, в результате расшифровки второго критского линейного письма (линейного письма Б), осуществленной в 1952 г. М.Вентрисом, сразу же обнаружилось имена дионисийского круга, а в Пилосе, в южном Пелопоннесе, – даже имя самого Диониса⁹. Тем самым были подтверждены представления Отто о древности дионисийского культа, который, вероятно, прижился в греческой культуре уже к концу второго тысячелетия до н.э.¹⁰ В своей работе «Начала греческого политеизма» (1930) французский археолог Шарль Пикар уже как нечто само собой разумеющееся причисляет Диониса к греческим божествам крито-микенского происхождения¹¹. Таким образом, у меня было достаточно причин, чтобы начать изучение минойского искусства с постановки проблемы: кто такой был Дионис?

Начало этому исследованию было положено в моих работах «Происхождение дионисийской религии», «Дионис Критский» и «Ранний Дионис»¹². Они легли в основу насто-

⁵ См.: *Otto W.-F. Dionysos: Mythos und Kultus//Frankfurter Studien. 1933. Bd. IV. S.56.*

⁶ См. с.96 – 97 наст. изд. На болезнь Ницше, вызванную прежде всего воздействием инфекции, повлияли также наследственная предрасположенность и архетипические компоненты (см.: *Kerényi K. Der Sprung: Nietzsche zwischen seinem Roman und seinem Evangelium// Der höhere Standpunkt. München, 1971. S.53 – 89; Idem. Nietzsche und Ariadne// Der höhere Standpunkt. S. 38 - 49).*

⁷ См.: *Kerényi K. Gedanken über Dionysos//Studi e materiali di storia delle religioni. 1935. V.XI. P.11 – 40.* Хотя этим материалом я занимался и раньше, моими первыми работами в этой области были следующие: *Idem. Satire und satura//Studi e materiali di storia delle religioni. 1933. V. IX. P. 129 – 156; Idem. Dionysos und das Tragische in der Antigone//Frankfurter Studien zur Religion und Kultur der Antike. 1934. Bd. XIII. К ним можно причислить и работу «Душа у орфиков» (“Die orphische Seele”), первая редакция которой относится к 1933 г., а последняя включена в эссе «Пифагор и Орфей» в первом томе собрания сочинений (см.: *Idem. Werke... Bd. I. S.37 – 46).**

⁸ С Вальтером Отто автор познакомился в 1929 г. в Греции (*Прим. пер.*)

⁹ См. табличку Pylos Ха 102; в качестве имени бога вина подтверждается также контекстом надписи, открытой позднее (см.: *Pylos Xb 1419; см. также с. 60 наст. изд.*).

¹⁰ См.: *Otto W.-F. Dionysos. S.56.*

¹¹ См.: *Picard C. Les origins du polithéisme hellénique//L'Art créto-mycénien. P., 1930. P.94 – 97.*

¹² См.: *Kerényi K. Die Herkunft der Dionysosreligion//Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen: Geisteswissenschaften. 1956. Heft 58; Idem. Dionysos le Crétois//Diogenè. 1957. №20. P. 3 – 27; Idem.*

ящей книги, идея которой, как отмечалось, восходит еще к 1931 г. Для ее написания необходимо было занять позицию историка – историка религии, который уделял бы особенное внимание исследованию мифов, культовых церемоний и праздничного календаря, и одновременно историка греческой и минойской культуры, поставившего перед собой задачу изучения отдельной жизненной сферы. В данном случае была избрана сфера религиозной жизни, в рамках которой нашел чистое и адекватное выражение некий существенный элемент совокупного типического существования, которое я и понимаю под «культурой». С начала микенской эпохи этот особый элемент выражался, конечно, не во всех компонентах религии, а лишь в том ее древнейшем пласте, который был целиком подчинен прообразу данного элемента – прообразу неиссякаемой жизни. В отношении к человеческому существованию, архетип которого описан мной в «Прометее», вышеупомянутый прообраз есть протерон, логически и фактически предшествующее¹³.

Помимо рассмотрения проблемы с точки зрения историка, критерием моей работы является строгость мышления. Под последним я понимаю дифференцированное мышление о конкретных реалиях человеческой жизни. К этим реалиям неприменимо суммативное мышление, распространившееся под влиянием сэра Джеймса Фрэзера на исследования в области древних религий вообще, а под влиянием М.П.Нильссона и Людвиг Дойбнера – на изучение греческой религии. Когда мы задумываемся об этих реалиях во всей их конкретности, мы должны считаться с тем, что сегодня стала вполне допустимой возможность истребления жизни. Допустимой, однако, не с точки зрения самой жизни, а точки зрения истории, которая. Как мы знаем теперь на основе собственного исторического опыта, может привести к ее всеобщему уничтожению. В соответствии с минимальным определением жизни, как оно дается современной наукой, «обмен веществ и наследственность (и как следствие этого – рост, размножение и эволюция)... отличают живое от мертвой материи»¹⁴. Включая в себя наследственность, - иначе она не была бы «жизнью», - жизнь прорывает границы отдельного, смертного живого существа и, независимо от того, осуществляется ли фактически ее передача по наследству, обнаруживает себя как неиссякаемая. Жизнь продолжается через наследственность, и только через нее, и, таким образом, несет в себе зародыш временной бесконечности. Зародыш существует, даже если из него ничего не произрастает. В этом мы и видим оправдание тому, чтобы, говоря о «неиссякаемой жизни», познать ее прообраз на материале религиозных свидетельств и продемонстрировать религиозному человеку ее ценность в качестве исторического опыта.

В греческом языке имеется различие между жизнью бесконечной и жизнью ограниченной, ζωή и βίος. Тот факт, что в Греции это различие стало возможным, не будучи результатом рефлексии или философских рассуждений, объясняется тем, что опыт выражается прежде всего в языке. Настоящая книга предполагает возможность опыта более глубокого, чем опыт человеческого существования, описанный мной в «Прометее». Краткий разбор значения двух греческих слов, каждое из которых означает «жизнь», должен послужить читателю – независимо от того, знаком ли он с греческим языком, - введением в этот опыт.

В качестве эпиграфа я хочу процитировать заключительные строки моих «Размышлений о Дионисе» (1935): «Могли ли греки помыслить о своем Дионисе то, что предлагает нам Отто, или то, что изложено мною? Да, могли, и им было даже легче. Ведь в мифах и образах, в опыте видений и в культовых действиях сущность Диониса нашла для них свое полное выражение. Они не нуждались, подобно нам, в мыслительных построениях, которые всегда останутся несовершенными».

Рим, 1 октября 1967 г.¹⁵

Der frühe Dionysos//Eitremforelesninger. 2. Universitet I Oslo, 1961 (Klassik Institut)/90

¹³ См.: Kerényi K. Prometheus: Das griechische Mythologem von der menschlichen Existenz. Zürich, 1946; см. также расширенные издания: Idem. Prometheus: Die menschliche Existenz in griechischer Deutung. Hamburg, 1959 und 1962; Idem. Prometheus: Archetypal Image of Human Existence. N.Y.; L., 1963.

¹⁴ Schweyzer R. Facetten der Molekularbiologie//Neue Züricher Zeitung. 17 Juli 1966. S.5.

¹⁵ Настоящее предисловие автор написал после завершения первой части книги «Критская прелюдия»). Затем была написана вторая часть вместе со всем корпусом примечаний. Работа была закончена в феврале 1969 г.ж предисловие к первой части не дополнялось, новое предисловие ко второй части также не было написано (*прим. нем. изд.*).